

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

СТАРИК, ВНУК И ЖИЗНЬ НА ПОТОМ

роман

Алексей Корнелюк

Старик, внук и жизнь на потом

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Старик, внук и жизнь на потом / А. Корнелюк — «Автор», 2026

Семидесятичетырёхлетний Тимофей Павлович всю жизнь откладывал деньги, желания и саму жизнь — до того самого подходящего дня, который так и не наступил. Когда он узнаёт, что его родную деревню скоро снесут, старик отправляется туда за жестяной коробкой, спрятанной под полом ещё в детстве. Вместе с ним вынужденно едет восьмилетний внук Миша — упрямый, любопытный и уверенный, что дед везёт его искать сокровище. Тимофей Павлович пытается провести всю поездку без лишних расходов. Но дорога постоянно ломает его расчёты, а внук задаёт вопросы, на которые невозможно ответить цифрами. Что ценнее: сбережённые деньги или потерянное время? Можно ли вернуться за жизнью, которую однажды оставил на потом? И что успеет передать старик внуку — свой страх перед бедностью или смелость наконец начать жить? «Старик, внук и жизнь на потом» — тёплый и горький роман о семье, памяти и цене одного настоящего дня.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Корнелюк

Старик, внук и жизнь на потом

Старик, внук и жизнь на потом

Тимофей Павлович обнаружил пропажу семи рублей сорока копеек в половине девятого утра.

Он уже позавтракал гречневой кашей, вымыл кастрюлю, вытер плиту и поставил чашку на блюдце так, чтобы трещина на ободке смотрела к стене. После этого сел у окна проверять вчерашние чеки. Он делал это не каждый день. Только после покупок.

В магазине ему пробили молоко по новой цене, хотя на ценнике стояла старая. Разница составляла семь рублей сорок копеек.

Тимофей Павлович проверил дважды.

Потом достал из ящика очки для чтения и проверил ещё раз. Не потому, что сомневался в арифметике. В арифметике он не сомневался с шестого класса. Он сомневался в людях, которые печатали ценники, приклеивали их к полкам и потом делали удивлённое лицо, будто цифры по ночам менялись сами.

Пакет молока стоял в холодильнике. На нём была нарисована корова с выражением человека, который заранее ни за что не отвечает.

Тимофей Павлович надел рубашку, застегнул её до предпоследней пуговицы, убрал чек в прозрачный пакет и вышел из дома.

До магазина было две остановки. Пешком — двадцать семь минут, если не идти через двор школы. Через школьный двор было двадцать три, но там по утрам родители бросали машины так, словно привезли детей не на уроки, а на эвакуацию. Тимофей Павлович предпочитал лишние четыре минуты чужой глупости.

На улице было тепло. Август ещё держался за город, хотя по утрам уже пахло листьями и холодным железом. У подъезда дворник поливал клумбу. Вода текла мимо цветов на асфальт.

— Снова переливаете, — сказал Тимофей Павлович.

Дворник не обернулся.

— Земля не бездонная.

— Доброе утро, — ответил дворник.

Тимофей Павлович считал это уклонением от разговора.

В магазине работали три кассы, но открыта была одна. Перед ней стояли пять человек. Тимофей Павлович занял очередь и вынул чек.

Женщина впереди покупала две бутылки вина, сыр в пластиковой коробке и виноград. Было без девяти девять. Тимофей Павлович не осуждал её. Он просто не понимал, зачем человеку с такими планами виноград.

Кассирша посмотрела на чек.

— Молоко где?

— Дома.

— Без товара возврат не делаем.

— Я не возвращаю молоко.

— А что возвращаете?

— Семь рублей сорок копеек.

Она посмотрела на него так, будто он принёс в пакете живую птицу.

— Позовите администратора, — сказал Тимофей Павлович.

— Мужчина, там ценник, наверное, старый остался.

— Я это понял.

— Тогда в чём вопрос?

— В семи рублях сорока копеек.

Очередь за его спиной задвигалась. Кто-то вздохнул. Тимофей Павлович не обернулся. Люди всегда считали собственное время бесценным, пока не требовалось потратить его на что-нибудь важное.

Администратор пришла через четыре минуты. Молодая женщина в жилете, на котором было написано: «Я помогу». По её лицу было видно, что надпись размещали без согласования.

Тимофей Павлович объяснил ситуацию.

Администратор сходила к холодильнику, принесла ценник, сравнила его с чеком и подтвердила, что разница действительно существует.

— Можем оформить возврат, — сказала она.

— Не нужно возврата. Нужно соблюдать указанную цену.

— Сейчас исправим.

— Мне от этого семь рублей сорок копеек не вернутся.

Женщина закрыла глаза на одну секунду. Видимо, представляла жизнь, в которой выбрала другую профессию.

Через десять минут Тимофей Павлович получил деньги. Семь рублей монетами и сорок копеек двумя десятками. Кассирша пересчитала их демонстративно.

Он пересчитал следом.

— Всё? — спросила она.

— Теперь всё.

По дороге домой он купил в аптеке таблетки от давления за триста восемьдесят рублей. В другой аптеке они стоили дешевле, но она находилась ещё в шести кварталах, а левая нога с утра ныла. Тимофей Павлович не любил уступать телу. Тело быстро привыкало.

Вернувшись, он положил семь рублей сорок копеек в жестяную банку из-под индийского чая. В банке лежали мелкие деньги, запасные ключи и две пуговицы от пальто, которого уже не было.

Банка стояла в нижнем кухонном шкафу за пакетами с крупой.

Пакетов было одиннадцать.

Три с гречкой, два с рисом, два с макаронами, один с перловкой, один с пшеном и два с сахаром. Кроме того, в шкафу находились пять банок тушёнки, четыре рыбные консервы, шесть коробков спичек, пачка соли и два куска хозяйственного мыла.

Ничего из этого Тимофей Павлович не считал запасом. Запас начинался там, где человек переставал помнить, зачем именно купил вещь. У него каждая покупка имела назначение.

Три пачки гречки предназначались для обычной жизни.

Четвёртая появилась бы на случай перебоев.

Пятую покупать не следовало. Пятая означала тревогу.

Тимофей Павлович различал эти состояния.

В кладовке стояли бутылки с водой. На верхней полке лежали лампочки, батарейки, свечи и коробка с лекарствами. Лекарства были разложены по сроку годности. Просроченных не было. Тимофей Павлович не понимал людей, способных хранить таблетки до того момента, когда болезнь уже есть, а лекарства от неё больше нет.

В ящике письменного стола лежали деньги.

Небольшая сумма наличными — на случай, если банкоматы перестанут работать.

Отдельно — деньги на похороны.

Отдельно — на непредвиденные расходы.

Тимофей Павлович давно заметил, что похороны относятся к расходам вполне предвиденным. Однако объединять конверты не стал. У каждой неприятности должен быть собственный бюджет.

Основные сбережения хранились в банке.

Сумма была приличная. Так говорила дочь. Сам Тимофей Павлович считал её недостаточной, потому что не знал, для чего именно она понадобится.

Деньги без назначения были похожи на доски, сложенные возле стройки. Вроде бы материал есть, но дом ещё не начался.

До пенсии Тимофей Павлович работал сметчиком. Он умел заранее определить, сколько бетона понадобится зданию, сколько кабеля — подъезду и сколько чужой наглости можно незаметно спрятать в строке «прочие расходы».

Работа научила его двум вещам.

Во-первых, всё обходится дороже, чем обещают в начале.

Во-вторых, виноватым обычно остаётся тот, кто первым назвал настоящую цену.

Коллеги считали Тимофея Павловича тяжёлым человеком. Он не возражал. Лёгкие люди, по его наблюдениям, чаще всего висели у кого-нибудь на шее.

Он снял уличную рубашку и повесил её на спинку стула. Потом подошёл к холодильнику, вынул молоко и налил немного в стакан. Молоко было обычным. Семь рублей сорок копеек никак не повлияли на вкус.

На дверце холодильника висел магнит в форме парусника.

Его привезла Вера.

Она съездила к морю один раз, без него, за четыре года до смерти. С подругой Галиной, которая умела покупать путёвки, не советуясь с погодой, курсом валют и здравым смыслом.

Вера вернулась загорелая, с опухшими ногами и этим магнитом.

— Куда его? — спросила она.

— В мусор, — сказал Тимофей Павлович. — Отвалится же.

Магнит не отвалился.

Вера отвалилась раньше, как она сама наверняка выразилась бы, если бы ей позволили прокомментировать собственную смерть.

Тимофей Павлович подвинул парусник на два миллиметра вправо. Он висел неровно.

На кухонном столе лежала записка, написанная его рукой:

«Позвонить Лене. Узнать насчёт счётчика».

Он позвонил.

Дочь ответила после шестого гудка.

— Пап, я на работе.

— Я тоже когда-то работал.

— Поздравляю нас обоих.

— Счётчик ты проверила?

— Какой счётчик?

— Водяной. Я тебе говорил.

— Пап, он ещё полгода действителен.

— Полгода быстро проходят.

— Не у всех.

На заднем плане кто-то спросил Елену про договор. Она ответила, прикрыв трубку ладонью, но Тимофей Павлович всё равно услышал слово «согласование» и раздражение. Дочь работала в компании, которая делала что-то с логистикой. Он несколько раз пытался выяснить, что именно, но объяснение каждый раз состояло из слов, которые по отдельности были русскими, а вместе означали зарплату.

— Ты таблетки купил? — спросила Елена.

— Купил.

— Принимаешь?

— Если купил, зачем мне их не принимать?

— У тебя бывает.

— У меня ничего не бывает. У меня всё происходит по причине.

Елена помолчала.

— Ты к врачу записался?

— Был я у врача.

— Когда?

— В апреле.

— Сейчас август.

— А что, сердце за лето стало другим органом?

— Папа.

Он не любил, когда она говорила «папа» таким голосом. Слово становилось не обращением, а медицинским заключением.

— Ты сама-то как? — спросил он.

Вопрос вышел неожиданно. Даже для него.

Елена тоже заметила.

— Нормально.

— Это не ответ.

— Работаю. Миша у мамы Дениса до вечера. В пятницу заберу.

— У твоего ребёнка две бабушки, один дед и отец, который вечно в командировке. Удивительная организация.

— Денис не в командировке. Он в Казани на объекте.

— Это меняет географию, но не суть.

— Пап, давай не сейчас.

Тимофей Павлович посмотрел на магнит.

— Я не начинаю.

— Ты никогда не начинаешь. Ты просто продолжаешь то, что было ещё до звонка.

Елена снова кому-то ответила. На этот раз резко.

— Ладно, — сказал Тимофей Павлович. — Работай.

— В воскресенье приедем.

— Зачем?

— Увидеть тебя.

— Видели месяц назад.

— Папа.

— Приезжайте, если хотите.

— Мы хотим.

— Тогда зачем спрашивать?

— Я не спрашивала.

— Вот и договорились.

Елена выдохнула.

— Пока.

— Счётчик не забудь.

Она отключилась.

Тимофей Павлович положил телефон на стол. Разговор прошёл неплохо. Никто не повысил голос, не бросил трубку и не попросил денег. В семье это считалось признаком близости.

Он вымыл стакан и поставил его сушиться.

Потом достал из шкафа отвёртку и пошёл в ванную. Кран над раковиной подтекал уже третий день. Капля собиралась долго, тяжелела и падала. Тимофей Павлович подсчитал, что за сутки набиралось около литра. За месяц — тридцать. За год — триста шестьдесят пять.

Вера когда-то сказала, что он способен услышать, как утекает копейка.

Тогда он ответил:

— Хорошо бы ещё слышать, куда.

Она засмеялась.

Он не понял почему.

Прокладка в кране была изношена. Новая лежала в коробке с надписью «Сантехника». В коробке находились ещё шесть прокладок разных размеров, два вентиля, моток уплотнительной ленты и латунная гайка, происхождение которой Тимофей Павлович не помнил.

Гайка лежала там пятнадцать лет.

Выбрасывать её было поздно. Если вещь прожила рядом с человеком столько времени, она уже становилась родственником. Бесплезным, непонятным, но всё-таки родственником.

Он заменил прокладку, вытер раковину и проверил кран.

Капли прекратились.

Тимофей Павлович постоял в тишине.

Раньше из комнаты доносился телевизор. Вера смотрела сериалы, в которых люди обнаруживали родственников, меняли детей в роддоме и падали с лестниц в наиболее подходящий момент. Тимофей Павлович считал эти сюжеты неправдоподобными, но иногда задерживался в дверях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.